

45
3-81

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія десятый.

АПРѢЛЬ.

№ 11.

1917.



ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.



СОДЕРЖАНІЕ:

- РАДОСТЬ (стих.).
- КОЛЯ, НАДЯ и СОБАЧКА.
- ВЕСНА ИДЕТЬ (стих.).
- ПРИЕМЫШЪ (повѣсть).
- ПТИЧІЙ ПЕРЕПОЛОХЪ.
- ГОЛОВОЛОМКИ.
- РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Городъ для склеиванія (Магазинъ).

608638

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

608638 | 1 кх-мз

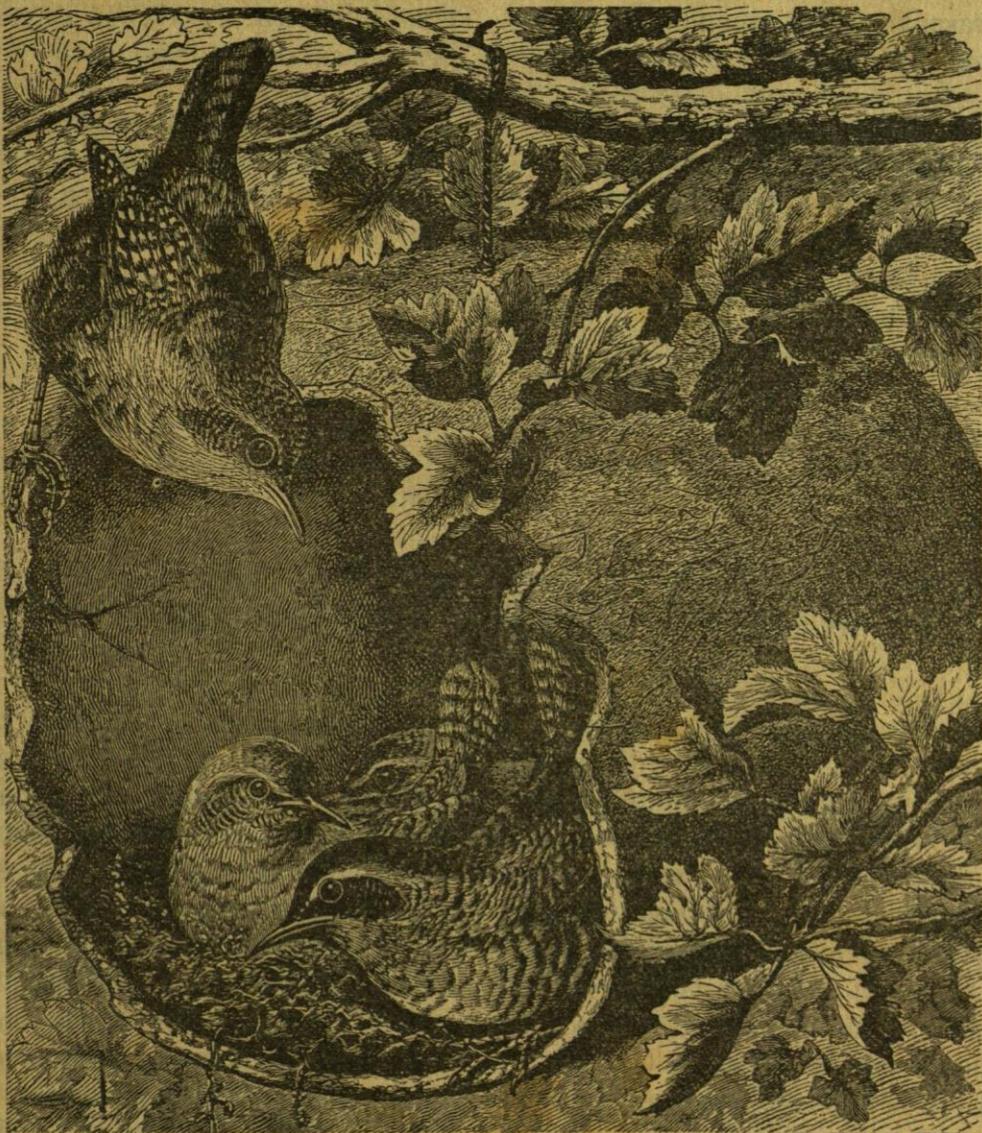
Российская государственная
детская библиотека

№ 11. Апрель. 1917. Годъ изданія X-й. Два раза въ мѣсяцъ.

95
3-12

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.



Гнѣздышко въ тыквѣ.

РАДОСТЬ.

Пришла, пришла ужъ къ намъ весна! Проснулись пчелы и жучки,
Ужъ лѣсъ одѣлся сѣрой дымкой, И залетали бодро мушки,
И какъ-то сразу, невидимкой, И на пенькахъ, въ лѣсной опушкѣ,
Проснулось все кругомъ отъ сна. Ужъ показались сморчки.

Уже оттаяла земля, Кричатъ грачи, скворцы свистятъ,
Ужъ на крыжовникѣ листочки, Поютъ и всѣ другія птички,
И на деревьяхъ бухнуть почки, Онѣ несутъ уже яички
И улыбаются поля. И скоро выведутъ цыплятъ.

Падегъ туманъ, пройдутъ дожди;
Но ужъ теперь не страшно это:
Пришла весна, настанетъ лѣто
И счастье, счастье впереди!

Кузнечикъ.

КОЛЯ, НАДЯ И СОБАЧКА.

Коля нашель на улицѣ щенка, и свернувшись калачикомъ, спала тамъ съ этой минуты для него начались у самыхъ его ногъ. Коля чувствовалъ тогда, какъ по его прозябшимъ самымъ счастливейшимъ днямъ. Онъ кормилъ его, клалъ его съ собою спать, отъ сырости ногамъ разливалась и когда потомъ изъ этого щенка приятная теплота. Когда онъ ѣлъ, выросла складненькая, красивенькая то она вспрыгивала на ближайшій собачка, то лучшихъ друзей не было во всемъ свѣтѣ. Куда-бы онъ ни стуль, смотрѣла ему въ самые шелъ, она всюду его сопровождала. глаза и тявкала. Когда онъ бѣгалъ, она кругами носилась около Назвалъ онъ ее «Химка». Она играла него и, распушивъ свой хвостъ, съ нимъ, понимала всѣ его желанія, радостно лаяла. Мать Коли тоже очень любила Химку, и собака и когда онъ ложился спать, то она признавала только ихъ двоихъ, на подлѣзала къ нему подъ одѣяло и,

другихъ же она оскаливала зубы и злобно ворчала.

Такъ проходили дни за днями. Мать Коли стирала, гладила и относала заказчикамъ бѣлье: она была прачкой въ уѣздномъ городѣ. Коля ходилъ въ приходское училище, куда сопровождала его и Химка, и затѣмъ, возвратившись домой, бѣгалъ съ собакою по двору. Такъ проходила ихъ скромная, незамысловатая жизнь. Коля скоро окончилъ свое ученье и наступила наконецъ осень, когда нужно было пристроить его къ какому-нибудь ремеслу.

— Что онъ у тебя зря болтается? говорили его матери сосѣдки.— Пора его отдавать въ люди! Не въ господа вѣдь ты его готовишь!

Матери было жалко разставаться съ Колей, но въ бѣдной крестьянской средѣ объ этомъ не разсуждаютъ и отдаютъ мальчиковъ туда, гдѣ раньше откроется мѣсто или представится случай. Такъ случилось и съ Колей. Его отвезли въ губернской городъ и отдали въ мелочную лавку. Выросшій около матери, нѣжный по природѣ, любившій деревья и цвѣты, животныхъ и птицъ, онъ попалъ къ грубому хозяину, и для него начались тяжелые, печальные дни. Съ утра и до вечера онъ долженъ былъ простаивать у дверей безъ всякаго дѣла и это его утомляло такъ, что онъ едва дожидался ночи, когда можно было уйти на квартиру, лечь въ отведенный ему

хозяиномъ грязный уголь и по мечтать на свободѣ о своей матери, о Химкѣ, о зеленой травѣ, о деревьяхъ и рѣкѣ. Это бездѣлье было для него тяжелѣе всякаго невыносимаго труда, потому что казалось ему не нужнымъ, и безцѣльнымъ, для чего вовсе не слѣдовало ему разставаться съ тѣми и съ тѣмъ, кого и что онъ такъ любилъ.

Одинъ разъ онъ написалъ къ своей матери письмо, въ которомъ жаловался на свою судьбу, описывалъ ей, какъ часто его бьетъ хозяинъ, но письмо это попало въ руки какъ разъ именно къ хозяину и онъ разорвалъ его, а Колѣ далъ лишній подзатыльникъ.

— Стой у двери! крикнулъ онъ на него.—Гляди и приучайся! Нечего тутъ! Не баринъ!

Мать и Химка снились ему во снѣ, и это были единственные минуты, когда онъ былъ въ большомъ городѣ счастливъ.

— Хоть - бы умереть, думалъ онъ.—Я больше не увижу ихъ никогда.

Недалеко отъ лавки, на противоположной сторонѣ улицы, былъ чей-то красивый домъ, съ параднымъ крыльцомъ и съ большимъ садомъ, тянувшимся вдоль тротуара. Въ немъ были расчищены дорожки и усыпаны песочкомъ и была посажена такая масса цвѣтовъ, что запахъ отъ нихъ доходилъ иногда до сосѣднихъ домовъ. Всякій разъ, когда Колю посылали куда-нибудь изъ

лавки, онъ нарочно проходилъ мимо этого сада, останавливался около его рѣшетки и долго смотрѣлъ на цвѣты. Это вошло у него въ привычку. Быть около цвѣтовъ стало составлять для него потребность. Глядя на нихъ, онъ воображалъ себя въ деревнѣ, чувствовалъ себя ближе къ Богу, и ихъ ароматъ, вливаясь къ нему въ сердце, наполнялъ его душу какимъ-то страннымъ благоговѣніемъ. Эти домъ и садъ съ цвѣтами стали для него святыней. Онъ не бывалъ еще ни разу въ церкви, такъ какъ его занятіе заставляло его стоять въ лавкѣ уже тогда, когда звонили къ ранней обѣднѣ, и этотъ садъ съ цвѣтами замѣнялъ ему храмъ.

Часто, когда онъ такъ стоялъ и смотрѣлъ черезъ рѣшетку, изъ дома выходила дѣвочка лѣтъ восьми, бѣгала по дорожкамъ и щебетала, какъ птичка. Одинъ разъ она подошла къ рѣшеткѣ и долго смотрѣла на Колю.

— Мальчикъ, ты кто? спросила она его.

Онъ замялся. Ему стыдно было сказать, что онъ—лавочникъ.

— Я люблю глядѣть, барышня, на ваши цвѣты... отвѣтилъ онъ ей наконецъ.

Она сорвала цвѣточекъ и подала ему сквозь спицы рѣшетки.

Онъ понюхалъ его и спряталъ себѣ за пазуху. Ему казалось, что этотъ цвѣточекъ будетъ служить для него связью съ той жизнью, кото-

рой онъ такъ рѣзко и быстро лишился и къ которой всегда будетъ душою принадлежать.

Въ другой разъ дѣвочка спросила его, какъ его зовутъ? Онъ отвѣтилъ. Она мечтательно поглядѣла на цвѣты и сказала:

— А меня—Надей...

И между нимъ и Надей установилось знакомство. Всякій разъ, проходя мимо дорогого сада, онъ останавливался передъ рѣшеткой и, если случалось ему видѣть Надю, то онъ кланялся ей. Она отвѣчала ему улыбкой.

Проводивъ Колю, его мать Софья долго не могла привыкнуть къ одиночеству, тосковала по немъ и все время обвиняла себя въ томъ, что такъ скоро согласилась съ нимъ разстаться. Но дѣлать было нечего, всѣ мальчики его возраста служили въ городѣ, и ей приходилось съ этимъ примириться. Единственнымъ ея развлеченіемъ, единственной ея связью съ сыномъ была Химка. Она ее веселила, развлекала ее и напоминала ей о сынѣ. Въ первое время послѣ отъѣзда Коли, Химка очень скучала, часто скулила и иногда далеко убѣгала по дорогѣ въ большой городѣ, останавливалась, нюхала воздухъ и возвращалась обратно. А затѣмъ привыкла къ отсутствію Коли и она.

Мѣсяца два спустя, въ уѣздный городъ изъ губернскаго пріѣхалъ къ своей сестрѣ погостить хозяинъ Коли. Софья узнала объ этомъ, розы-

скала его и побѣжала къ нему справиться о своемъ сынѣ.

— Ничего себѣ, отвѣтилъ онъ ей.

— Приучается... Только очень подолгу ходитъ, когда его куда - нибудь пошлешь! Должно быть, подлець гдѣ нибудь простаиваетъ и разиня ротъ глядитъ!

Не узнавъ отъ него толкомъ ничего о сынѣ, Софья печально побрела домой. Совсѣмъ не такъ отнеслась къ этому Химка. Она обнюхала сапоги хозяина Коли, его телѣгу и копыта у лошади, что-то долго соображала, и когда онъ, выпивъ цѣлый самоваръ, поѣхалъ наконецъ къ себѣ обратно въ большой городъ, то она повертѣлась около Софьи, повиляла передъ ней хвостомъ, точно прощаясь съ нею, и затѣмъ со всѣхъ ногъ пустилась догонять Колинаго хозяина. Она всю дорогу бѣжала по его слѣдамъ, высуня языкъ и едва поспѣвая полакать воды изъ встрѣчавшихся лужицъ.

Поздно вечеромъ она добѣжала за телѣгой до большого города, въ которомъ служилъ Коля. Цѣлые дни затѣмъ она бродила изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ, питаясь только тѣмъ, что случайно попадалось ей на пути, и претерпѣвая гоненія и побои отъ прохожихъ. Она хотѣла-было вернуться къ себѣ домой, къ Софѣ, но уже потеряла обратный слѣдъ, и теперь ей предстояло остаться въ чужомъ, невѣдомомъ городѣ со-

всѣмъ и, быть можетъ, умереть здѣсь съ голоду или даже быть убитой. И прижавшись къ чьему-то холодному, каменному забору, худая и подурнѣвшая съ голода и съ тоски, она приглядывалась къ прохожимъ, просила взглядомъ у нихъ помощи и жалобно скулила:

— Ску-ску-ску!..

И вдругъ до нея донесся знакомый запахъ. Она вздрогнула, насторожила ушки и стала принюхиваться. Несомнѣнно, это былъ его, Коли, запахъ—она узнала его! Она приглядѣлась, потомъ забѣжала впередъ и назадъ и вдругъ увидела вдаль Колю. Онъ быстро шелъ съ корзинкой на головѣ и съ кулькомъ въ рукѣ—очевидно, несъ къ кому-нибудь купленную провизию. Она совсѣмъ было догнала его, но онъ вошелъ въ чью-то дверь и ей пришлось подождать. Когда онъ вышелъ снова, то она бросилась къ его ногамъ, радостно заскулила и легла на спину.

— Химка! обрадовался онъ.— Откуда ты взялась?

Онъ схватилъ ее на руки, прижалъ ее къ своему сердцу, заплакалъ, она завизжала, стала лизать ему руки и лицо, и еще долго останавливавшіеся прохожіе видѣли эту сцену радостнаго свиданія мальчика съ собакой. Народававшись досыта, изливъ другъ передъ другомъ всю скорбь своихъ маленькихъ душъ, они наконецъ успокоились, и для Коли

явился теперь новый, трудно разрѣшимый вопросъ: какъ быть съ Химкой? Куда теперь ее пристроить? Онъ зналъ, что его хозяинъ ни за что не согласится оставить ее у себя, а снова разставаться съ Химкой для Коли было уже не подь силу.

— Что же намъ съ тобой, Химка, дѣлать? задалъ онъ ей вопросъ.—Какъ намъ быть?

Она повиляла передъ нимъ хвостомъ, засмѣялась, оскаливъ бѣлые, какъ снѣгъ, зубы и завертѣлась у его ногъ. Этимъ она хотѣла ему сказать, что готова раздѣлить его судьбу, какъ-бы тяжела она ни была.

Они шли и незамѣтно дошли наконецъ до лавки. Голодной Химкѣ ужасно хотѣлось ѣсть и она вбѣжала въ нее вслѣдъ за Колей и стала обнюхивать валявшіеся на полу кусочки.

— Пошла вонъ, дрянъ ты этакая! вдругъ крикнуло на нее нѣсколько голосовъ, и одинъ дюжій парень - прикащикъ подскочилъ къ ней и такъ ударилъ ее сапогомъ, что она вылетѣла на улицу.

— Не бейте ее, братцы, ска- залъ Коля.—Эта собака—моя!

—Твоя?!

И всѣ молодцы засмѣялись такъ, точно имѣть собаку было неприлично или составляло преступле- чіе. Коля понялъ, что ему при- дется разстаться съ Химкой со- всѣмъ.

Цѣлый день, пока онъ нахо- дился въ лавкѣ, Химка сидѣла у крыльца поодаль, онъ незамѣтно бросалъ ей кусочки, и никто не могъ бы подумать, что она принадле- жала ему. А когда стало смеркаться и хозяинъ куда-то ушелъ, а молодцы рассѣлись по угламъ и стали дре- мать, Коля рѣшительно тряхнулъ головой, оторвалъ кусокъ оберточ- ной бумаги и написалъ на немъ письмо слѣдующаго содержанія:

«Милая мама! Мнѣ здѣсь тяжело- жить. Возьми меня отсюда. Меня здѣсь бьютъ и такъ дурно кормятъ, что я отъ голоду не могу спать. Мнѣ хочется побѣгать по травѣ, а здѣсь все мостовыя и грязь. Милая мама, возьми меня отсюда! Я попро- шусь у нашей барыни въ огород- ники или помогать садовнику, буду сажать овощи и цвѣты и вѣкъ тебя буду кормить. А здѣсь, въ лавкѣ, я не могу. Это письмо отне- сетъ къ тебѣ моя Химка, которая здѣсь, а ты, милая мама, ее за меня покорми. Твой несчастный сынъ Коля».

Онъ свернулъ это письмо, пе- ревязалъ его веревочкой, кли- нулъ къ себѣ Химку и надѣлъ ей его на шею.

— Прощай, Химка! сказалъ онъ.—Здѣсь тебѣ не житье! Бѣги къ мамѣ домой и отнеси ей это мое письмо!

Проѣхалъ автомобиль, столпи- лось нѣсколько извозчиковъ. Хим- ку оттерли отъ Коли, а затѣмъ

и его самого кликнули въ лавку и послали къ кому-то съ провизіей. Такъ они и разстались.

Настала ночь, заперлись лавки и магазины и на улицахъ опустѣло. Всѣ разошлись по домамъ. Коля сидѣлъ у себя въ уголку на тѣхъ лохмотьяхъ, которыя составляли его постель, и думалъ о томъ, какъ Химка доставить его письмо его матери, какъ она возьметъ его домой и опредѣлитъ въ садовники къ сосѣдней барынѣ въ усадьбу. А тѣмъ временемъ его Химка бродила безнадежно по той улицѣ, на которой находилась его лавка, не находила дороги никуда, жалостно скулила и не знала, что ей дѣлать.

Но вотъ домъ съ садомъ. Изъ-за рѣшетки виднѣются озябшіе цвѣты и пахнутъ опавшимъ листомъ.

Начинаетъ идти дождь и повсюду становится мокро и сыро и отъ мостовой дѣлается еще холоднѣе. Химка хотѣла было пробраться въ садъ и найти тамъ себѣ гдѣ-нибудь мѣстечко для ночлега, но рѣшетка оказалась настолько частой, что сквозь нее нельзя было пролѣзть. Тогда она подошла къ парадному крыльцу. Здѣсь подъ навѣсомъ было сухо. Она вскочила на приступочку, прижалась спиной къ двери, чтобы погрѣться о нее, и жалобно заскулила:

— Ску-ску-ску...

Затѣмъ она свернулась калачикомъ и заснула. Настала ночь.

Утромъ ее что-то больно толкнуло въ бокъ. Это отворили парадную дверь. Она проснулась и вскочила на ноги. Изъ двери выходила какая-то дама и дѣвочка.

— Какая хорошенькая собачка! воскликнула дѣвочка.—Мама, возьмемъ ее себѣ?

— Не стоитъ, Надя! отвѣтила ей мать.—Быть можетъ, она чья-нибудь чужая.

Понявъ, что говорятъ о ней, Химка захлопала хвостомъ и доврчиво легла вверхъ брюхомъ.

Дѣвочка нагнулась надъ ней, чтобы ее приласкать, и вдругъ увидела у нея подъ шеей Колино письмо.

— Смотри, мама, воскликнула она—какая-то бумажка!

Она сорвала ее съ Химки и протянула къ дамѣ. Дама развернула бумажку, прочитала ее, и лицо ея сдѣлалось печальнымъ.

— Бѣдный мальчикъ! проговорила она.—Какъ все это больно и тяжело.

Она взяла дѣвочку за руку и повернула съ нею назадъ въ домъ.

— Пойдемъ, собачка! обратилась она къ Химкѣ.—Пойдемъ къ намъ, я дамъ тебѣ поѣсть! А тамъ, съ твоею помощью мы, быть можетъ, найдемъ и твоего бѣднаго Колю!

Химка поняла ее, завиляла ей хвостикомъ и скрылась вмѣстѣ съ нею въ нѣдрахъ богатаго, теплаго дома, гдѣ, повидимому, не знали того горя, какое знала она и ея хозяйиня.



Цыплята вывелись.

Все время Коля нетерпѣливо ожидалъ отъ своей матери отвѣта на письмо или ея прїѣзда. Душа его истомилась. По тому, что Химка куда-то исчезла и больше уже не появлялась, онъ судилъ, что она убѣ-

жала домой и унесла его письмо, и съ каждымъ днемъ нетерпѣніе его все возрастало и возрастало. Дуль сильный осенній вѣтеръ, было холодно и наступало время, когда умирала вся природа и на душѣ дѣла-

лось еще грустиѣе. Эту грусть онъ испытывалъ теперь при видѣ знакомаго сада, стоя у его рѣшетки и глядя на поблекшія цвѣты и порѣдѣвшіе деревья. Ему хотѣлось увидѣть Надю, чтобы, глядя на нее, отдохнуть душою и хотя на минуту

думалъ о матери и о ней и печально глядѣлъ на цвѣты.

Добѣжала-ли Химка? Донесла-ли она до его матери письмо?

И вдругъ, пока онъ стоялъ такъ и мечталъ, въ домѣ растворилась парадная дверь и изъ нея вышли На-



У лѣсной лужицы.

позабыть обо всемъ. Но Надя уже не выходила. Очевидно, ее не выпускали въ садъ, потому что было уже холодно и сыро, а можетъ быть она была больна и лежала въ постели...

И онъ стоялъ у рѣшетки сада,

дядя и ея мать. Вмѣстѣ съ ними выскочила изъ дому и черненькая собачка, теперь сытая, съ разглаженной лоснящейся шерстью и веселымъ взглядомъ. Надя вела ее на цѣпочкѣ. Увидѣвъ Колю, Надя подошла къ нему и радостно сказала:

— Здравствуй, Коля!

Но онъ не слышалъ ея голоса. Въ глазахъ у него все запрыгало, завертѣлось, его душу наполнилъ восторгъ, онъ почувствовалъ, какъ что-то подкатило ему къ горлу, и задышающимся голосомъ воскликнулъ:

— Химка!!! Ты-ли это? Откуда ты взялась?

Химка рванулась къ нему, онъ нагнулся къ ней, она подскочила къ его лицу и стала его лизать въ губы, въ щеки, въ шею, въ глаза. Она визжала на всю улицу, а онъ плакалъ и все повторялъ:

— Химка! Химка! Химка!

А когда радость немного поухлила и оба они успокоились и пришли въ себя, то Химка взяла его зубами за полу и потащила его къ парадной двери. Держа ее за цѣпочку, Надя должна была съ матерью вернуться назадъ. Дойдя до двери, Химка поцарапалась въ нее лапкой. Дама позволила. Дверь снова отворилась, и

Химка прыгнула впередъ и потянула за собою и Колю. Онъ постѣснился и нерѣшительно поглядѣлъ на даму.

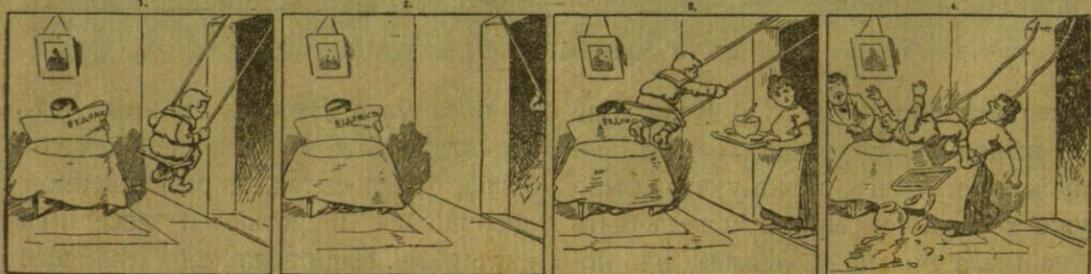
— Входи, входи! обратилась она къ нему.—Не бойся! Въ этомъ домѣ ты останешься совсѣмъ!

Онъ посмотрѣлъ на нее радостными, удивленными глазами, хотѣлъ броситься къ ея рукѣ, но въ это время дверь затворилась и больше уже нельзя было увидѣть ничего.

Четыре дня спустя, Коля уже расхаживалъ съ граблями въ рукахъ по саду и сгребалъ опавшіе листья въ кучи. Онъ былъ чисто одѣтъ, нанемъ былъ бѣлый передникъ и около его ногъ суетилась Химка.

Онъ сгребалъ листья и выкапывалъ растенія, а въ это время его мать въ этомъ же домѣ перетира-ла посуду. Она ставила тарелки въ столы и то и дѣло поглядывала на образъ: ея благодарности не было границъ.

М. Б—скій.



ВЕСНА ИДЕТЪ.

Ужъ капать стало... Хоть и выюга
Иной разъ снѣжная пройдетъ,
А все-жъ тепломъ въ васъ вѣтъ съ
юга...

Весна идетъ, весна идетъ!

Ужъ побурѣли прудъ и рѣчка,
Ужъ слабымъ сталъ сквозистый ледъ.
И утромъ не горитъ ужъ свѣчка,
Свѣтло, свѣтло... Весна идетъ!

Кричатъ грачи, мычатъ коровы,
Пѣтухъ ужъ цѣлый день поетъ,
Идетъ весна, несетъ обновы,
Весна идетъ, весна идетъ!

Поютъ скворцы... Атамъужь слышно,
Что шелъ ужъ дождь, что выгнанъ
скотъ...

Идетъ весна, идетъ къ намъ пышно,
Весна идетъ, весна идетъ!

Кузнечикъ.

П Р И Е М Ы Ш Ъ.

Повѣсть.

(Окончаніе.)

Когда всѣ вошли къ Женѣ въ комнату и Сергѣй Андреевичъ положилъ ее на постель, то она почувствовала вдругъ себя дома, въ своей семьѣ, среди близкихъ ей людей и стала плакать.

— Чего ты? О чемъ? съ тревогой спросили всѣ.

Но она не сумѣла сказать, о чемъ плакала, и тотчасъ же застыдила свои слезы.

А затѣмъ Сергѣй Андреевичъ снова взялъ изъ ея рукъ пакетъ.

— Распечатывать? спросилъ онъ, какъ-бы боясь узнать то, что его ожидало впереди.

— Распечатывать, распечатывать! закричали всѣ и окружили его со всѣхъ сторонъ.

Сергѣй Андреевичъ не безъ волненія разорвалъ конвертъ. Съ еще большимъ волненіемъ онъ вытащилъ изъ него синеватый кусокъ бумаги и прочиталъ:

«Все мое имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, находящееся въ имѣніяхъ, лично мнѣ принадлежащихъ, и капиталахъ, я завѣщаю моей пріемной дочери и воспитанницѣ Евгеніи, документъ коей при семъ прилагаю. Инженеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ А. Кирсановъ».

Дѣти ничего не поняли, а Сергѣй Андреевичъ и Нина Петровна въ изумленіи и въ то же время съ облегченіемъ поглядѣли другъ на друга. А затѣмъ, когда удивленіе мало-по-малу улеглось, Сергѣй Андреевичъ подошелъ къ Женѣ и протянулъ къ ней эту бумагу.

— Ну, Женя, обратился онъ къ ней, — вся эта усадьба и все, что въ ней, теперь принадлежатъ тебѣ. Теперь ты здѣсь полная хозяйка! Какъ ты теперь распорядишься, такъ я и поступлю!

— Я? Распоряжусь? удивилась Женя.

И широко распахнувъ свои объятія, она звонко разсмѣялась и сказала:

— Идите сюда всѣ! Вотъ мое распоряженіе!

Сергѣй Андреевичъ, Нина Петровна и дѣти бросились къ ней. Насколько хватило у нея рукъ, она всѣхъ ихъ сразу обняла и крѣпко прижала къ себѣ.

— Вотъ мое распоряженіе! повторила она. — Будемъ жить всѣ вмѣстѣ — вотъ и все! Я не желаю больше знать ничего!

Сергѣй Андреевичъ и Нина Петровна еще долго простояли около нея и все никакъ не могли придти въ себя отъ неожиданности. А дѣтиски побѣжали босыми ножками въ дѣтскую и стали умываться. Скоро затѣмъ ихъ голоса раздались въ столовой; къ нимъ присоединилась и Женя, и жизнь снова вошла въ свою колею и потекла такъ, какъ

текла до пріѣзда Аркадія въ усадьбу. Проглянуло солнце, и вмѣстѣ съ его лучами стало свѣтлѣе у всѣхъ и на душѣ. Послышались звуки ударовъ молотками о шары — это дѣти стали играть въ паркѣ на площадкѣ въ крокетъ, а Сергѣй Андреевичъ приказалъ осѣдлать для себя коня и уѣхалъ въ поле, гдѣ возобновились прервавшіяся было изъ-за ненастья работы.

Садовникъ умѣлъ молчать и, никто во всемъ свѣтѣ такъ и не узналъ, что произошло въ эту ночь. Въ то же утро старушка Егоровна была переведена въ усадьбу и поселена въ той самой комнатѣ, въ которой она жила и при покойномъ инженерѣ Кирсановѣ. Таково было распоряженіе новой хозяйки. А ровно черезъ мѣсяць пріѣзжалъ изъ города какой-то важный господинъ, который вызвалъ къ себѣ Женю и при свидѣтеляхъ сообщилъ ей, что она утверждена въ правахъ наслѣдства, и при всѣхъ вручилъ ей какую-то бумагу. Это былъ присяжный повѣренный, который велъ дѣло въ окружномъ судѣ. Но Женя была далеко отъ всего и даже и не думала о томъ, какой большой величиной она вдругъ сдѣлалась въ Ильинскомъ.

Но самое большое событіе произошло для Жени два дня спустя послѣ описанной ночи. Оно захватило Женю всю цѣликомъ, увлекло ее, взбудоражило, и она еще долго не могла придти отъ него въ себя. Въ

тотъ самый день, когда въ Ильинскомъ началась новая жизнь, всѣ ходили съ такимъ настроеніемъ, точно было воскресеніе. Никому ничего не хотѣлось дѣлать, всѣ были рады, что все выяснилось, и даже нарядились въ праздничныя платья. Къ обѣду былъ приготовленъ пирогъ, и возвратившійся рано съ поля Сергѣй Андреевичъ, чтобы поздравить Женю, приказалъ подать легенькаго винца и дѣтямъ дали выпить его по рюмочкѣ. Они развеселились, кричали ура и танцевали. Нина Петровна имъ играла. Вечеромъ отправились кататься на лодкѣ. Пока плыли, гдѣ-то вдаль играла гармоника, жужжали жуки, и во всѣхъ концахъ послѣ небольшой передышки пѣли соловьи. Плеснула большая рыба въ рѣкѣ и во всѣ стороны по ея поверхности покатались къ берегамъ круги. Потянуль вѣтерокъ, въ далекомъ селѣ сторожъ прозвонилъ уже десять часовъ, а они все еще сидѣли въ лодкѣ, не плыли никуда и молчали.

Какъ вдругъ въ усадьбѣ раздался собачій лай. Шарикъ, Барбоска и Арапка залаяли всѣ сразу и стай бросились къ воротамъ. Вслѣдъ затѣмъ у калитки раздался стукъ, и кто-то сталъ кричать на собакъ.

— Кто-то чужой! сказалъ учитель Ѳедоръ Степановичъ.— Должно быть, заѣзжій чиновникъ или староста. Надо-бы вернуться и поглядѣть!

Онъ, Дима и Женя взмахнули веслами, и скоро лодка возвратилась обратно къ плоту.

Собаки продолжали злобно лаять, и кто-то попрежнему стоялъ у калитки, стучалъ въ нее палкой и кричалъ:

— Эй! Кто тамъ? Отворите! Прогоните собакъ!

Всѣ въ усадьбѣ уже спали и не слыхали ни лая, ни голоса этого чужого человѣка. Ѳедоръ Степановичъ подбѣжалъ къ воротамъ, успокоилъ собакъ и отперъ калитку.

— Что вамъ? спросилъ онъ.— Чего вы стучите?

— Телеграмма!.. отвѣтилъ незнакомецъ.

Ѳедоръ Степановичъ принялъ отъ него телеграмму и понесъ ее къ Сергѣю Андреевичу. Всѣ столпились вокругъ него и съ боязливымъ любопытствомъ стали ожидать, когда онъ распишется въ ея полученіи и распечатаетъ ее.

— Предложите почтарю у насъ переночевать, сказалъ Сергѣй Андреевичъ,—и дайте ему поѣсть!

А затѣмъ онъ распечаталъ телеграмму и громко ее прочиталъ:

— «Выѣзжаемъ сегодня. Завтра будемъ у васъ. Вышлите на пристань экипажъ и телѣгу для багажа. Хомутовы».

Женя взвизгнула, захопала въ ладоши и стала прыгать. Дима послѣдовалъ ея примѣру.

— Завтра, завтра пріѣдутъ! радостно закричала она.— Маруся и Вася завтра ужъ будутъ здѣсь! Мы будемъ съ ними бѣгать, играть, намъ будетъ такъ интересно!

И пока Женя, Вѣрочка и Дима прыгали и выходили отъ радости изъ себя, Сергѣй Андреевичъ отдавалъ распоряженія, чтобы завтра же, съ самаго ранняго утра, былъ приведенъ въ порядокъ флигель, чтобы въ него внесли самую лучшую мебель и устроили кровати и чтобы, чуть свѣтъ, Данило отправился встрѣчать пароходъ и чтобы за багажемъ была выслана телѣга. Разбудили Прасковью и Данилу, все въ домѣ поднялось, засуетилось, и когда дѣти отправились спать, то до нихъ еще долго доносились звуки шаговъ и голоса прислуги.

— А все она! причитала Прасковья, вытаскивая изъ кладовой большія пуховыя подушки и матрацы.—Все она, моя кокоренька! Коли-бъ не она, такъ къ намъ никто и носа бы не показалъ. Съ тѣхъ поръ какъ покойникъ баринъ у насъ померъ, такъ ни одна душенька къ намъ и не пожаловала... И уродить же Господь такое дите! И создастъ же такого ангела архангельскаго!

— Ты бы, Прасковья, шла спать! сказалъ ей Сергѣй Андреевичъ, высунувшись среди ночи изъ кабинета.

— Что ты, что ты, баринъ! испугалась Прасковья.—Да въ своемъ ли ты умѣ? Къ намъ гости ѣдутъ, а онъ—иди, ложись спать! Развѣ я не твоя прислуга? Развѣ я не понимаю? Радоваться нужно, а не

спать! Господь гостей посылаетъ, а ты—спать!

И она еще долго причитала и долго возилась и шумѣла, совершенно не понимая, что могла помѣшать другимъ.

Когда дѣти проснулись на слѣдующее утро, то все уже было готово. Во флигелѣ были вымыты полы и пахло отъ нихъ мокрыми досками, во всѣхъ его комнатахъ была разставлена старинная краснаго дерева мебель и повѣшены на окна занавѣски, и въ спальнѣ и дѣтской уже стояли кровати съ цѣлыми горами подушекъ, пирамидками поднимавшихся къ потолку. На подоконникахъ Прасковья разставила цвѣточки въ горшкахъ и у крыльца посыпала рубленыхъ еловыхъ вѣтокъ, отъ которыхъ шель тонкій смолистый запахъ. Данило еще до разсвѣта уѣхалъ къ пароходу и вмѣстѣ съ нимъ поплелся и скотникъ Яковъ съ телѣгой для багажа.

— Сегодня они приѣдутъ! говорили дѣти и съ нетерпѣніемъ поглядывали на часы.

Но минутная стрѣлка подвигалась впередъ какъ-то особенно тихо, а часовая вела себя такъ неприлично, точно хотѣла показать, что въ часу не шестьдесятъ минутъ, а цѣлыхъ тысячи три. И чтобы хоть какъ-нибудь сократить время, Женя, Дима и Вѣрочка отправились въ поле, набрали нѣсколько букетовъ цвѣтовъ и разставили ихъ въ вазахъ по всему

флигелю, нѣсколько разъ выходили по дорогѣ, чтобы заглянуть, не показался-ли тарантасъ за лѣскомъ, но всѣ ихъ усилія скоротать время оказались тщетными, и они бродили по усадьбѣ, какъ сонныя мухи, не знали, чѣмъ имъ заняться еще, и ныли:

— Господи, какъ долго тянется время! Когда же они приѣдутъ?

Но вотъ далеко-далеко раздался звукъ колокольчика. Всѣ вздрогнули.

— Ёдутъ! вскрикнулъ Дима.

— Ёдутъ! взвизгнула Женя.

Всѣ прислушались.

— Да нѣтъ, равнодушно сказала Сергѣй Андреевичъ.—Это индюшата кричатъ.

Но дѣтей уже трудно было удержать на мѣстѣ. Они сбѣжали съ террасы, со всѣхъ ногъ бросились за ворота и помчались вдоль дороги къ лѣску, чтобы первыми встрѣтить своихъ гостей.

А колокольчикъ заливался все ближе и ближе, и уже можно было слышать, какъ вдалекѣ раздавался голосъ Данилы:

— Эй, вы милыя! Эй, голуби! Но-о!!

Заслышавъ его, собаки выскочили изъ своихъ будокъ и съ громкимъ лаемъ помчались вдоль дороги навстрѣчу тарантасу.

Послышалось, какъ колеса прогремѣли по мостику, какъ зафыркали лошади, почуявъ близкій отдыхъ, и какъ залепетали дѣтскіе

голоса. Всѣ выбѣжали навстрѣчу приѣзжимъ.

Тарантасъ съ громомъ подкатилъ къ террасѣ. Изъ него вышли Ольга Ивановна, Маруся и Вася и спрыгнули Дима, Женя и Вѣрочка, которые влѣзли въ него по пути. Началось выгруживаніе ручного багажа.

— Ну, вотъ и мы! сказала Ольга Ивановна, въ первую минуту не зная, куда идти.

— Милости просимъ, милости просимъ! отвѣтилъ ей Сергѣй Андреевичъ, горячо пожимая ей руку.— Давно уже васъ поджидаемъ! Обѣдъ на столѣ!

И всѣ гурьбою отправились во флигель. И пока Ольга Ивановна наскоро развязывала свои вещи, чтобы привести себя въ порядокъ съ дороги, дѣти уже мчались по парку, и ихъ розовыя и голубыя кофточка мелькали между стволовъ. Обѣдали въ большомъ домѣ всѣ вмѣстѣ. Дѣти на радостяхъ ничего не ѣли и говорили глупости. Прасковья не могла наглядѣться на нихъ, стояла у двери и, подперши щеку рукою, плакала отъ радости и причитала:

— И уродить же Господь такихъ дѣтей!

Послѣ обѣда Ольга Ивановна отправилась къ себѣ во флигель.

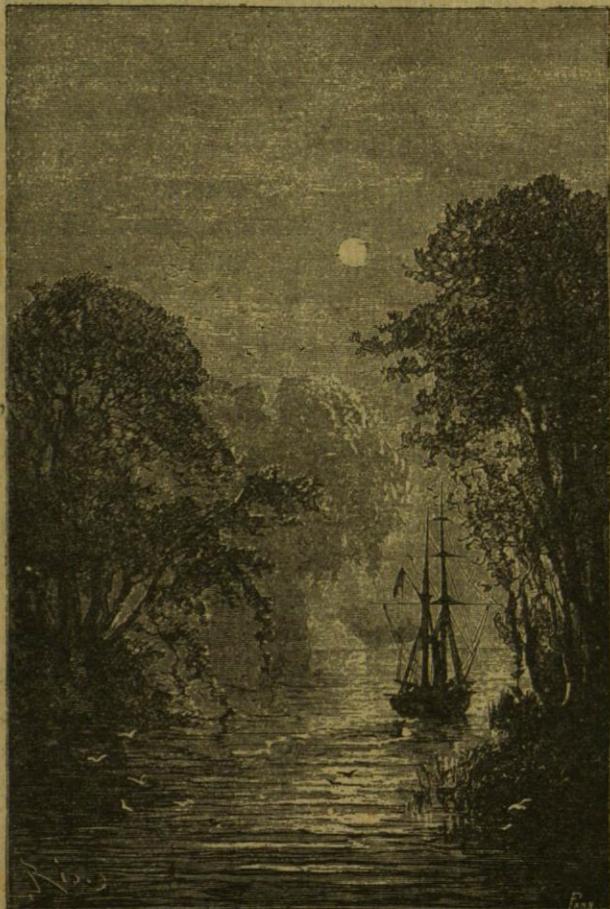
— А вы безъ прислуги? обратился къ ней Сергѣй Андреевичъ.

— Нѣтъ, съ прислугой! отвѣтила Ольга Ивановна.—Я привезла съ

собой няню. Она ѣдетъ сейчасъ сюда въ телѣгѣ съ багажемъ! Вѣроятно, къ вечеру уже будетъ здѣсь...

И она принялась за устройство своего жилища.

Никто не обратилъ вниманія на эти ея слова и на то, кто была эта няня. А между тѣмъ, няня Наталья Кирилловна ѣхала шажкомъ въ телѣгѣ съ сундуками и, поджавши подъ себя ножки, озиралась по сторонамъ и думала:



Въ Южной Америкѣ.

— Куда я ѣду? Куда меня везутъ и какія все чужія мѣста!

Проѣхавши пятнадцать верстъ остановились на постояломъ дворѣ.

Скотникъ Яковъ распрягъ лошадь, кормилъ ее два часа и спалъ, а няня Наталья Кирилловна сидѣла у воротъ, глядѣла съ грустью на чуждыя ей избы и синѣвшій за полемъ лѣсъ и прислушивалась къ побрякиванью бубенчиковъ на головахъ у жевавшихъ сѣно лошадей. И невольно ей приходили въ голову картины Крыма и моря, и передъ глазами вставалъ образъ Жени, которую она не видѣла уже такъ давно и по которой тосковала ея душа, какъ тоскуетъ въ засуху земля по благодатномъ дождѣ.

— Гдѣ-то ты, моя Женечка, теперь? вздохнула она. — Каково-то тебѣ, сиротчкѣ, живется на чужой сторонѣ?

Садилось солнце, закричали во ржи перепела, и вдоль деревни потянулся возвратившійся съ поля скотъ. Запахло пылью и молокомъ, раздались мычаніе и бляеніе овецъ и громкое хлопанье бича пастуха. Вышелъ Яковъ, протеръ проспавшіеся глаза, почесался и сталъ запрягать лошадь.

— Ну, старуха, обратился онъ къ нянѣ, — садись! Пора ѣхать! Вечеромъ лучше! Не будутъ мухи кусать...

Она взобралась въ телѣгу,

поджала подъ себя ножки, и лошадка снова шагкомъ поплелась въ путь.

— Далекѣ еще? спросила Наталья Кирилловна.

— А кто-жь его знаетъ? отвѣтилъ Яковъ и зѣвнулъ во весь ротъ.—Ежели лошады не устала, то верстъ еще двадцать будетъ, а если наморена, то наберутся и все тридцать!

Нянѣ надоѣло уже ѣхать и скорѣе хотѣлось къ дому, къ своимъ, гдѣ можно было бы не чувствовать себя такъ одиноко и хотя на минуту забыться въ трудѣ.

Спустилась ночь, потянулись отовсюду запахи, пахнуло изъ лѣса сыростью, и стала подыматься огромная красная луна. Черезъ полчаса она поднимется выше, и тогда станетъ свѣтлѣе и не будетъ такъ уныло и страшно ѣхать. Забѣлѣлъ въ низинкахъ туманъ, и закричали коростели,—и все было для няни ново и чуждо, и ей казалось, что она ѣдетъ куда-то въ дебри, къ недобрымъ людямъ, гдѣ ей будетъ нехорошо.

Но вотъ уже и усадьба. Свѣтитъ луна, и длинныя тѣни тянутся черезъ весь дворъ. Лають собаки. Всѣ спятъ, и кажется, что кругомъ—сонное царство. Яковъ подъѣзжаетъ къ большому дому и соскакиваетъ съ телѣги.

— Тпррууу!.. Приѣхали!..

Няня слѣзаетъ съ телѣги и разминаетъ затекшія ноги. Яковъ сва-



Концертъ.

608638

ливаешь сундуки на землю и затѣмъ тихонько начинаетъ стучаться въ двери. По ту сторону слышатся шаги, раздаётся шелканье ключа, и въ дверяхъ показывается со свѣчкой Прасковья.

— Здѣсь остановились Хомутовы? спрашиваетъ Наталья Кирилловна.

— Иди, иди сюда! отвѣчаетъ ей Прасковья и, схвативъ ее за руку, почти насильно втаскиваетъ ее въ домъ.—Онѣ во хлигерѣ! Теперь ужъ спать!.. Переночуй здѣсь, у меня, а завтра явишься къ своей барынѣ. Сейчасъ я дамъ тебѣ поѣсть. Поди, отошла, сердешная, такъ, что и животы тебѣ всѣ подвело!

И она ввела ее въ столовую, усадила ее за столъ, поставила передъ ней ужинъ и стала ухаживать за нею, какъ родная сестра. Это растрогало няню, она разговорилась съ ней, и скоро обѣ онѣ сидѣли уже одна передъ другой и изливали души. Между ними горѣла печальная свѣча, освѣщала имъ лица, и онѣ не слышали, какъ въ это время изъ сосѣдней комнаты въ корридоръ тихо отворилась дверь и какъ въ ней показалась нѣжная, хрупкая фигура дѣвочки, въ одной сорочкѣ и босячкомъ крившаяся къ столовой.

Въ этотъ вечеръ, набѣгавшись досыта съ Марусей и Васей, Женя рано ушла къ себѣ въ комнату и легла спать. Приятная истома пролилась по ея тѣлу, когда она вытянула ноги и укрылась

простыней. Ей было жарко. Она бѣгала цѣлый день, пробѣжала, вѣроятно, цѣлые десятки верстъ, и теперь щеки у нея горѣли, и ей казалось, что жаръ не кончится никогда. Но усталость скоро взяла свое, она повернулась лицомъ къ стѣнѣ, и скоро все исчезло для нея въ набѣжавшемъ на глаза туманѣ.

Спать, спать, спать!

Она спала и образы минувшаго дня толпою проносились передъ нею; поля смѣнялись лѣсами, лѣса—берегами рѣки и пруда—и вдругъ все потонуло передъ ней въ пространствѣ и передъ ея очами заколыхалось голубое, безбрежное, море, по которому плыль пароходъ, и она находилась на этомъ пароходѣ. Вдалекѣ синѣли горы и виднѣлись у ихъ подножія крымскія дачи и у одной изъ нихъ стояла ея няня, смотрѣла ей вслѣдъ и махала ей платкомъ.

— Няня, иди сюда! закричала ей Женя.

Няня побѣжала прямо по водѣ и догнала пароходъ.

— Тпруу! вдругъ крикнулъ капитанъ голосомъ скотника Якова, и пароходъ остановился.

Няня вошла въ него, откуда-то появилась Прасковья, взяла няню за руку и ввела въ сосѣдную комнату. И стали онѣ тихо разговаривать.

— Я здѣсь, няня, здѣсь! захотѣлось вдругъ крикнуть Женѣ, но она не смогла.

Она сдѣлала надъ собой усиліе, хотѣла закричать во весь голосъ, но въ груди у нея сперло дыханіе, и она проснулась.

Въ окошко глядѣла блѣдная луна, слышно было, какъ пѣли соловьи и кричали лягушки, но въ то же время изъ столовой доносились до Жени и звуки знакомаго дорогаго голоса.

Кто это говоритъ? Боже мой, неужели это не сонъ?

Женя вскочила съ кровати и прислушалась. Сердце у нея забилося.

Да, это ея голосъ, это голосъ ея няни, которую она такъ пламенно ожидала, такъ безумно хотѣла видѣть!

Женя схватилась рукою за сердце и, боясь и надѣясь и въ то же время не вѣря своимъ ушамъ, тихонько подошла къ двери и прислушалась. Да, это она! Это голосъ ея няни!

И, крадучись, какъ воръ, Женя вошла голыми ножками въ корридоръ, тихо, какъ кошка, подошла къ двери столовой и вдругъ увидела ее! Все помутилось у нея въ глазахъ, комната завертѣлась вокругъ нея, и съ радостнымъ визгомъ, она выскочила изъ своей засады и какъ безумная ринулась впередъ.

— Нянечка, няня, няня, няня!.. закричала она, и слезы брызнули у нея изъ глазъ.—Боже мой, няня!.. Господи, няня!

И обхвативши шею своей недоумѣвавшей и обезумѣвшей отъ восторга

няни, она повисла на ней и продолжала кричать одно только слово „няня“, а затѣмъ все замелькало у нея въ глазахъ, полъ выскользнулъ у нея изъ-подъ ногъ, и она лишилась чувствъ.

— Женечка, Женя... лепетала няня.—Да очнись же, голубушка!.. Что это съ тобою?

А слезы такъ и лились у нея изъ глазъ. Стоявшая около нихъ Парасковья рыдала въ три ручья и голосила такъ, что ее можно было слышать на дворѣ.

Няня бережно взяла Женю на руки, отнесла ее въ комнату и ласково уложила ее въ постель. Потомъ стала набожно креститься. Неужели это не сонъ? Неужели Богъ услышалъ ея молитву и снова возвратилъ ее къ той, кого видѣть такъ алчно желала ея одинокая, истомившаяся душа?

Отъ радости не умираютъ. Женя открыла глаза и увидѣла передъ собою няню. Таперь онѣ могли наговориться всласть, излить свои души и наглядѣться одна на другую.

О, что это была за ночь! Выходило солнце, пробуждались птички, на травѣ и листьяхъ блистали брилiанты росы и далеко мычалъ скотъ и играла робкая пастушечья свирѣль. Сквозь открытое окошко потянуло слегка дымкомъ отъ затопленныхъ на заднемъ дворѣ печей, и вдругъ набѣжалъ вѣтерокъ и въ комнату хлынулъ ароматъ цвѣтовъ.

— Ты не уѣдешь больше, няня?

спрашивала Женя.—Ты останешься здѣсь навсегда?

Няня смотрѣла на нее и сознавала, что разлука уже болѣе не возможна, что если бы даже кто-нибудь и захотѣлъ теперь снова оторвать ее отъ Жени, то она легла бы у ея

— «Въ богатствѣ, въ бѣдности, въ счастьѣ, въ несчастьѣ, въ болѣзни, въ здоровьѣ—пока не разлучить насъ смерть. Твоя вѣра будетъ моею вѣрой,—и тамъ, гдѣ будешь жить ты, проживу до самой смерти и я!»



— Няня, нянечка, няня!...

ногъ и умерла бы около нея, какъ вѣрная, преданная собака. И, вспомнивъ, какъ гдѣ-то она прочитала въ Священномъ Писаніи исторію Руѳи и Ноэмими, она бросилась къ Женѣ, прижалась къ ея маленькому тѣлцу и, какъ Руѳъ, сказала:—

— Значитъ, ты не уѣдешь отсюда? Ты останешься здѣсь со мной?

Няня пылливо поглядѣла на нее и задала ей вопросъ:—

— А развѣ ты навсегда останешься здѣсь, на чужбинѣ?

— На чужбинѣ? засмѣялась Же-

ня.— Да развѣ родина можетъ быть чужбиной?

Няня встала, оглядѣлась и выглянула въ окошко. Точно знакомымъ запахомъ сирени пахнуло вдругъ ей въ лицо, точно она услышала далеко въ небѣ крикъ возвращавшихся журавлей. Все вдругъ пришло ей на память, и она вдругъ вспомнила, что уже была и жила здѣсь десять лѣтъ тому назадъ и что эта усадьба—была дѣйствительно родиной ея ненаглядной Жени. И бросившись къ своей любимицѣ, она стала ее цѣловать. Плакать и цѣловать. Поцѣлуй со слезами всегда вкуснѣе.

Что было по томъ? Да развѣ нужно рассказывать, что было еще потомъ? Всѣ прожили лѣто дружно и

весело, въ августѣ переѣхали въ городъ и дѣти стали посѣщать гимназiи. Когда уѣзжали изъ Ильинскаго, то Прасковья насильно влѣзла въ тарантасъ и объявила, что не разстанется съ дѣтьми никогда. Всю дорогу она причитала и не могла оторвать отъ Жени глазъ.

— И уродить же Господь такое дите!—говорила она.—Ахъ, ты мой ангель архангельскiй! Кокоренька ты моя! И все она! Погляди-ка, сколько собрала вокругъ себя людей!

И дѣйствительно, въ городъ поѣхало нѣсколько подводъ.

Впрочемъ, о дальнѣйшей жизни моихъ героевъ можно было бы написать еще цѣлый длинный-предлинный рассказъ. Боюсь, что я утомилъ уже читателей, и ставлю точку.

К. Тр.—

Конецъ.



ПТИЧІЙ ПЕРЕПОЛОХЪ.

Былъ чудный майскiй день. Молодой дроздъ со своей супругой только что окончилъ постройку

гнѣзда въ густомъ кустѣ посреди зеленой лужайки въ глубинѣ лѣса. Затѣмъ дроздиха снесла три хо-

рошенькихъ съ пятнышками яичка цвѣта морской волны.

— Ну вотъ, сказала она со вздохомъ,—теперь начинается и серьезная жизнь.

Дроздь-самецъ постарался утѣшить свою супругу, какъ могъ, но она была въ плохомъ настроеніи и совсѣмъ не слушала его пѣнія.

— Вотъ вы всѣ, мужчины, таковы, сказала она. — Вы всегда разсуждаете обо всемъ только по наслышкѣ. Попробуйте-ка просидѣть на гнѣздѣ цѣлыя двѣ недѣли, не вставая. Вы только рассказываете намъ всякій вздоръ и поете! Вамъ весело, а намъ-то каково! Уходи отъ меня! Твой видъ меня раздражаетъ! Иди и принеси мнѣ толстенькую мушку повкуснѣе.

Вечеромъ самка была уже внѣ себя отъ гнѣва.

Дроздь слушалъ ее совершенно спокойно.

— Ты можешь еще сегодня прогуляться, посовѣтоваль онъ своей капризницѣ,—но зато съ завтрашняго дня тебѣ уже дѣйствительно придется засѣсть на все время, иначе наши яички охладятся и изъ нихъ не вылупятся птенцы.

— Ты бы избавилъ меня отъ своихъ совѣтовъ, воскликнула дроздиха и, взмахнувъ крыльями, улетѣла въ лѣсъ. Дроздь поспѣшилъ за ней, чтобы, въ случаѣ необходимости, охранить ее отъ ястреба. Едва молодая чета успѣла удалиться, какъ вдругъ какая-то чужая

птица сѣла у ихъ гнѣзда и пристально стала всматриваться въ него и поглядывать на лежавшія въ немъ яички. Она была гораздо больше дрозда; перья у нея были темно-сѣраго цвѣта со свѣтлыми пятнами на груди и на брюшкѣ. Во рту она держала яйцо, которое только-что снесла въ другомъ мѣстѣ. Подумавъ немного и убѣдившись, что за нею не глядитъ никто, она съ большой предосторожностью положила его рядомъ съ яйцами дроздовъ.

Незнакомка еще съ минуту посмотрѣла на гнѣздо и затѣмъ, взмахнувъ крыльями, улетѣла въ лѣсъ, гдѣ на вѣткѣ большого дерева сидѣлъ ея мужъ и поджидалъ ее.

— Ну, что? — спросилъ онъ, положила яйцо?

— Да,—отвѣтила она.—Я его положила въ гнѣздо къ дроздамъ. Это — добрыя птицы и онѣ будутъ хорошо обращаться съ нашимъ ребенкомъ.

Вслѣдъ затѣмъ, они улетѣли.

Когда же дрозды вернулись обратно въ свое гнѣздо, то они даже и не замѣтили, что вмѣсто трехъ яицъ тамъ лежало теперь четыре. Это произошло отъ того, что ни одинъ, ни другой не были сильны въ ариѳметикѣ, и счета, какъ и всѣ птицы, не знали. Кромѣ того, и дроздиха была теперь въ веселомъ настроеніи. Она тотчасъ же сѣла на яйца и стала высиживать ихъ, а ея

дроздъ сталъ напѣвать ей серенаду, раздававшуюся на весь лѣсъ.

Въ теченіе четырнадцати дней дроздиха примѣрно сидѣла на яйцахъ, и за все это время ея дроздъ леталъ по окрестностямъ, собиралъ бабочекъ, личинокъ и мушекъ, клалъ свою добычу около нея, какъ-разъ къ ея клюву, такъ что ей достаточно было только немного приподняться, чтобы взять пищу, и затѣмъ снова занять свое прежнее мѣсто.

— Ты все-таки очень добръ и милъ...—говорила она, наклоняя граціозно головку.—Ты такъ теперь меня балуешь... Не правда-ли, какъ намъ обоимъ будетъ пріятно, когда у насъ вылупятся изъ яичекъ дѣтки?

На пятнадцатый день, скорлупа яицъ лопнула, и оттуда появились на свѣтъ четыре птенца, голенькіе, безъ перьевъ, которые тотчасъ же широко раскрыли свои желтые клювы и запросили кушать.

— Ъсть, ѣсть, ѣсть!.. закричали они.

Дроздъ внимательно сталъ ихъ разглядывать.

— Какіе они славненькіе!—воскликнулъ онъ.

— Не правда-ли, какія души!—воскликнула радостно и дроздиха.

Дроздъ посмотрѣлъ на нее насмѣшливо и проговорилъ:

— Однако, вѣдь ты не хотѣла сидѣть на яйцахъ!

— Я?!—удивилась дроздиха.— Что это тамъ такое ты поешь? Я

даже никогда и не говорила этого... Ты бы лучше пошелъ поискать пищу для нашихъ ребятишекъ, чѣмъ болтать всякую чепуху.

Дроздъ улетѣлъ и черезъ нѣкоторое время вернулся съ большимъ запасомъ корма. Полный клювъ у него былъ набитъ нѣжными червячками и мушками. И каждый разъ, какъ онъ возвращался, его птенцы широко раскрывали свои клювы, точно никогда ничего не ѣли и ничѣмъ не могли утолить своего голода. Но не всѣ четверо были одинаково прожорливы. Одинъ изъ нихъ былъ особенно жаденъ.

— Хорошій изъ него будетъ дроздъ!—восхищался имъ отецъ.— Ъсть за четверыхъ.

— Ты долженъ обращаться со всѣми дѣтьми одинаково,—замѣтила сердито мать.—Одного хвалишь, а другого—чѣтъ. По моему, маленькіе даже гораздо лучше.

Однажды вечеромъ дроздъ сидѣлъ рядомъ со своей супругой, которая грѣла подъ своими крыльями птенцовъ.

— Жизнь становится очень тяжелой, когда имѣешь большое семейство, жаловался онъ ей.—Времена совсѣмъ ужъ не тѣ, съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Лѣса всѣ срублены. Бабочекъ почти не стало, а сегодня утромъ зяблики выхватили у меня прямо изъ клюва хорошую личинку. Среди птицъ начались разбои и грабежи. Необхо-

димо работать вмѣстѣ. Полетимъ со мною въ лѣсъ. Ты будешь мнѣ хорошей помощницей. Такая бѣдная птица, какъ я, не можетъ оставлять свою жену дома, чтобы она ничего не дѣлала. Всѣ должны трудиться. Ты не барыня!

— Какъ!—воскликнула она.—А воспитаніе дѣтей? Тѣ называешь это бездѣльемъ?

Они рѣзко поговорили между собой, но дѣло кончилось тѣмъ, что дроздиha согласилась и уступила:

— Хорошо!—сказала она.—Съ завтрашняго дня я буду тебѣ помогать.

И молодая чета стала работать вмѣстѣ и стала вмѣстѣ добывать для своего семейства пропитаніе. Они очень трудились. Но какъ-бы много они ни приносили корма, ихъ птенцы постоянно встрѣчали ихъ съ открытыми ртами, стараясь достать лучшей кусокъ и толкая другъ дружку.

— Ёсть, ёсть, ёсть!... по прежнему кричали они.—Намъ хочется кушать!

Однажды дроздъ со своей дроздиhoй, вернувшись изъ лѣсу, замѣтили большое волненіе среди своихъ ребятъ. Они сидѣли, опустивъ клювы, чего съ ними никогда не бывало, и всѣ разомъ пищали.

— Говорите по очереди!—сказала мать.—Иначе ничего нельзя понять! Что такое случилось? О чемъ вы пицтите?

Они стали ей рассказывать по очереди, и изъ ихъ словъ она поняла, что самый большой изъ птенцевъ сбросилъ самага маленькаго братишку изъ гнѣзда вонъ. Онъ упалъ внизъ прямо на траву, а въ это время прибѣжала лиса и съѣла его.

— Онъ первый сталъ меня толкать!—оправдывался самый большой птенецъ.—Я не виноватъ! Я только прикоснулся къ нему, а онъ и вывалился изъ гнѣзда!

— Подожди же, я тебя проучу!—пригрозилъ ему отецъ.

И онъ уже подошелъ къ нему, чтобы ударить его клювомъ, но въ этотъ моментъ мать клюнула его самого въ шею и съ силой оттянула своего верзилу-сынка назадъ.

— И тебѣ не стыдно, отецъ, такъ вести себя?—крикнула она.—Зачѣмъ ты обижаешь совершенно невиннаго ребенка? Ты долженъ понять, что онъ вовсе ни въ чемъ не виноватъ.

Поплакавъ немного надъ своимъ погибшимъ ребенкомъ, родители снова улетѣли въ лѣсъ за пищей.

Но горевать о погибшемъ имъ было некогда, потому что трое оставшихся имѣли такой неутолимый голодъ, что дроздъ съ дроздиhoй иногда хотѣли даже отказаться отъ своихъ родительскихъ обязанностей. Большой птенецъ продолжалъ расти и былъ вдвое больше другихъ. Птенцы жаловались,

что онъ ихъ задавилъ въ гнѣздѣ говсѣмъ и отбираетъ у нихъ пищу.

Недѣлю спустя, въ семействѣ дроздовъ случилось опять новое происшествіе, причинившее имъ много горя. Родители птенцовъ возвратились домой и нашли въ

одинъ изъ нихъ упалъ; я очень испугался и нечаянно толкнулъ другого, который тоже свалился на землю, и оба убились. Опять пришла лиса и сожрала ихъ.

Мать и отецъ стали плакать отъ горя.



Лань и собачки.

гнѣздѣ только одного большого птенца.

— Гдѣ же твои братья?—спросила съ безпокойствомъ мать.

— Это не по моей винѣ, отвѣтилъ большой.—Они упали. Я только немного повернулся, какъ вдругъ

— Зачѣмъ мы выстроили такое маленькое гнѣздо? — печалились они. А впрочемъ, кто же могъ бы предполагать, что у насъ родится такой здоровый болванъ? Вѣдь только подумать, какъ онъ растеть! Бѣдныя, бѣдныя наши дѣтки!

— Не лишиться бы намъ и этого дурака! сказалъ дроздъ.—А то пожалуй, отъ большого ума, онъ вздумаетъ выброситься изъ гнѣзда и самъ!

И обратившись къ птенцу, онъ продолжалъ:

— Не забывай, что ты теперь у насъ единственное дитя.

Птенецъ, вмѣсто отвѣта, пожралъ все, что принесли родители, и закричалъ:

Еще, еще! Я такъ голоденъ!

Дрозды улетѣли, чтобы принести ему еще чего-нибудь поѣсть, но съ этихъ поръ имъ пришлось трудиться съ утра и до ночи: ихъ оставшійся дѣтинушка-птенецъ поѣдалъ корма гораздо больше, чѣмъ при жизни погибшихъ птенцовъ, но никогда не былъ удовлетворенъ. Онъ все росъ и росъ и, наконецъ, сталъ такой большой птицей, что не могъ уже помѣститься въ гнѣздѣ и перелетѣлъ на сосѣднюю вѣтку.

— Боже мой! Какъ можно быть такимъ неосторожнымъ!—воскликнула мать. — Вѣдь ты упадешь и сломаешь себѣ шею!

— Ты на меня всегда сердись, сказалъ птенецъ, надувшись.—Я не могу больше съ вами жить. Все, что я ни дѣлаю, для васъ—плохо, а я не могу поступать иначе... Есть у тебя что-нибудь поѣсть?

Съ большими усилиями мать и отецъ помогли своему птенцу слѣзть на землю и посоветовали ему куда-нибудь спрятаться и не кричать, и

чтобы лиса не могла его найти и поймать.

— Ужъ если ты такой большой верзила, обратился къ нему дроздъ,—что не можешь уже помѣститься въ гнѣздѣ, то хоть сиди ужъ смирно въ кустѣ! А то вѣдь быстро попадешься лисѣ на зубы!

Птенецъ вскочилъ въ кустъ и поселился въ самой его чашѣ.

Родители приносили ему чуть ли не сто разъ въ день ѣду, но онъ все никакъ не могъ насытиться. Мало-по-малу хвостъ и крылья у него покрылись перьями, и онъ уже свободно могъ летать по лужайкѣ.

Удивительно смѣшно было видѣть всѣхъ троихъ вмѣстѣ! Птенецъ былъ въ два раза больше, чѣмъ его отецъ и мать, и, чтобы получить изъ ихъ клюва кормъ, онъ долженъ былъ сѣсть на брюхо, иначе бы они не достали ему до рта. Перья его были темно-сѣраго цвѣта съ свѣтлыми пятнами на груди и животѣ. Дроздъ долго разсматривалъ его.

— Онъ вовсе непохожъ на насъ, говорилъ онъ своей женѣ.—Мы вовсе не такого высокаго роста, да и перья у насъ черныя, а не пестрыя.

Мать съ гордостью смотрѣла на свое сокровище.

— А все-таки онъ красавецъ! сказала она.

Однажды этотъ странный птенецъ поймалъ мохнатую гусеницу, ползавшую въ травѣ.

— Брось скорѣй!—закричала ему мать.—Это ядъ, ты умрешь отъ него! Ни одна изъ птицъ не ѣстъ мохнатыхъ гусеницъ!

— А я ихъ даже очень люблю и часто ѣмъ, отвѣтилъ спокойно верзила.—Мнѣ это нисколько не вредить. Не могу же я довольствоваться тѣмъ, что вы мнѣ даете сами! Этакъ я могу умереть съ голоду!..

— Что за странный дроздъ!—говорилъ отецъ, качая головой.

— Это не дроздъ, сказала вдругъ рядомъ сидѣвшая малиновка.

— Какъ не дроздъ!?—удивился отецъ.—Развѣ моя дроздиха не сама снесла яйца? Развѣ мы не сами воспитывали этого молодца вмѣстѣ съ его сестрами и братьями, которые къ несчастью умерли?

— Умерли? — повторила малиновка съ злой усмѣшкой.—Ну, да! Какъ же! Это старая штука! Насъ не проведешь!

— Въ чемъ? Какая штука?—оскорбился дроздъ.—Объяснись сейчасъ же и расскажи мнѣ все!

И дроздъ сѣлъ рядомъ съ малиновкой и приготовился ее слушать. Его дроздиха тоже присоединилась къ нимъ, а птенецъ такъ и остался одинъ на травѣ.

— Разсказъ будетъ короткій,—сказала малиновка, но лучше, если его будетъ слушать побольше птицъ. Молодымъ всегда полезно послушать старшихъ.

Она громко крикнула своимъ тонкимъ голосомъ, и тотчасъ же прилетѣла масса малиновокъ, жаворонковъ, дроздовъ и другихъ птицъ, которыя размѣстились вокругъ нея.

— Знаете-ли вы сѣрую птицу, которая часто любитъ совать въ наши гнѣзда свой носъ?—спросила она у птицъ.

— Знаемъ, знаемъ!—послышались голоса.—Это кукушка!

— Да, вы угадали,—продолжала малиновка.—Это кукушка. Она походить на ястреба, но вреда намъ не причиняетъ, а только летаетъ по лѣсу и кричить „ку-ку!“ Вы не повѣрите, но она даже не строить для своихъ дѣтей гнѣзда. Никогда она не сложитъ и двухъ соломинокъ; никогда она не высидитъ своихъ яицъ! никогда она не согрѣваетъ своихъ птенчиковъ въ холодныя ночи, никогда она ихъ даже не накормитъ, а все взваливаетъ на насъ и на



Кукушка.

нась! Она подбрасываетъ къ намъ въ гнѣзда свои яйца, мы высиживаемъ ихъ вмѣсто нея, и ея дѣти такимъ образомъ являются у насъ безпокойными подкидышами!

— Боже милосердный! — всплеснула крылышками дроздиха. — Что же въ такомъ случаѣ сама кукушка дѣлаетъ? Чѣмъ же она бываетъ занята?

— Что она дѣлаетъ? Вы не знаете? — воскликнула малиновка. — Какъ только она снесетъ яйцо, такъ сейчасъ же относитъ его въ гнѣздо другихъ честныхъ птицъ. И мы высиживаемъ это ея яйцо, обращаемся съ ея птенчикомъ, какъ со своимъ роднымъ. А вы знаете, какую благодарность мы получаемъ въ награду за свои заботы? Вотъ вамъ примѣръ: молодая кукушка отбирала у дѣтей вотъ этихъ самыхъ почтенныхъ дроздовъ всю ихъ пищу и, когда чуть-чуть окрѣпла, то первая же выбросила ихъ изъ гнѣзда на землю, чтобы ей не было тѣсно. О, подлая!.. Впрочемъ, вотъ вамъ и вся исторія!

Сидѣвшія на вѣткахъ птицы заволновались. Наши дрозды молча посматривали на малиновку и содрогались отъ ужаса.

— Вотъ посмотрите на этихъ двухъ несчастныхъ птицъ, указала малиновка на дроздовъ. Они воспитывали дочь кукушки. Посмотрите, какъ они исхудали. Спросите-ка у нихъ, что стало съ ихъ собственными дѣтьми? А здѣсь

въ травѣ роется ихъ питомица, которая не желаетъ ихъ вовсе знать и все больше и больше требуетъ отъ нихъ ѣды!

Всѣ птицы переглянулись и закричали:

— Убьемъ, убьемъ дочь кукушки!

И всѣ бросились на молодую кукушку.

— Это неправда! — закричала она и стала обороняться отъ нихъ и всѣхъ безъ разбора побивать своимъ крѣпкимъ клювомъ. Первымъ пострадалъ отъ нея маленькій щегленокъ, кричавшій больше всѣхъ. Позади всѣхъ шли дрозды. Удрученные только что услышанной новостью, они все-таки просили оставить ихъ питомицу въ покоѣ, но отъ нея попало больше всего именно имъ. Съ ихъ расклеванныхъ головокъ струилась кровь.

— Она у насъ только одна, говорила дроздиха. — Я ее высиживала, кормила, воспитывала... Считала ее какъ родное дитя. И вотъ за всѣ мои ласки она побила меня и моего бѣднаго мужа, и теперь намъ остается только умереть.

— Что? Много взяли? — кричала между тѣмъ расходившаяся кукушка. — Я достаточно уже выросла, чтобы защитить себя. Я вижу, что вы всѣ противъ меня, и потому покидаю васъ навсегда!

Она взмахнула крыльями и скрылась далеко за лѣсомъ.

Вотъ она уже пролетѣла чужіе

лѣса, чужіе луга и очутилась въ далекихъ заморскихъ краяхъ.

И каждый разъ, какъ она садилась отдыхать, она вспоминала разсказъ малиновки и не могла его ни понять, ни повѣрить въ его правдивость. Чѣмъ она хуже всѣхъ другихъ птицъ? Почему ея родная мать подвергаетъ ее опасности тѣмъ, что не хочетъ высиживать свои яйца и подкидываетъ ихъ въ гнѣзда къ другимъ птицамъ? Ахъ, если бы только встрѣтить ее и разспросить ее обо всемъ!..

Между тѣмъ наступила зима.

Малиновки, дрозды, жаворонки и многія другія птицы потянулись на югъ, гдѣ солнце свѣтитъ привѣтливѣе и теплѣе и гдѣ зелень на деревьяхъ не опадаетъ никогда.

Это было въ сочельникъ. Молодая кукушка сидѣла на вѣткѣ большаго дерева и печально смотрѣла вокругъ. Она не нашла своей матери, но и не забыла разсказа малиновки. Бездомная, она встрѣтила здѣсь еще трехъ кукушекъ, съ которыми случилась подобная же исторія, и ей показалось, что она принадлежитъ къ какой-то особой проклятой породѣ.

Ея печальныя мысли были нарушены шумомъ листьевъ, и вдругъ передъ ней очутилась какая-то старая кукушка.

— Ты, кажется, чѣмъ-то очень недовольна, сказала она, внимательно осматривая ее.—Развѣ здѣсь не достаточно теплый климатъ? Или ты не находишь себѣ пищи?

— Я ищу мою мать, отвѣтила молодая кукушка.

Старуха прыгнула съ вѣтки и подсѣла къ ней поближе:

— Можетъ быть, я и твоя мать? сказала она.

— Почему-бы, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ и не быть твоей матерью? Развѣ я помню, въ чьи гнѣзда я подкидывала свои яйца? Я тебя видѣла сегодня въ рощѣ и долго наблюдала за тобой. Мнѣ что-то подсказываетъ, что ты принадлежишь именно къ моей семьѣ.

— А если ты—моя мать, то значить у тебя нѣтъ совѣмъ души! Развѣ родная мать поступила бы такъ со своимъ ребенкомъ?

И молодая кукушка разсказала старой всю свою исторію. Старуха выслушала ее со вниманіемъ.

— Въ терновомъ кустарникѣ въ большомъ лѣсу? — спросила она, когда молодая кукушка кончила. Ну, конечно! Всѣ мелочи указываютъ на то, что ты дѣйствительно—моя дочь. Какая же ты большая и красивая!

И она съ гордостью оглядѣла ее со всѣхъ сторонъ и хотѣла ее приласкать.

— Не трогай меня!—воскликнула молодая кукушка, отодвигаясь отъ матери.—Ты плохая мать, и я тебя не люблю!

Старая кукушка съ удивленіемъ посмотрѣла на нее.

— Почему ты не выстроила для себя гнѣзда, какъ это дѣлаютъ всѣ

честныя птицы?—продолжала молодая кукушка. Почему ты сама не высидывала своихъ яицъ? Почему ты не кормила своихъ дѣтей? Почему, почему?

Старушка наклонила голову.

— У каждаго своя судьба,—грустно отвѣтила она.—У меня—моя судьба, такую создалъ меня Господь, и другою я быть не могу.

Но подожди. Придетъ лѣто, ты тоже снесешь свое яйцо и поступишь точно такъ же, какъ и я.

— Ты думаешь, что я буду вести такой же образъ жизни, какъ и ты? сказала презрительно дочь.

— Неужели же ты предполагаешь, что я не выстроила бы себѣ гнѣзда и не хотѣла бы, чтобы и мои дѣти были вмѣстѣ со мной до тѣхъ поръ, пока они будутъ въ состояніи летать? Неужели ты думаешь, что я каждое лѣто подкидываю мои яйца въ чужія гнѣзда только для того, чтобы быть свободной и летѣть, куда хочу?

— А почему же ты поступала не такъ, какъ всѣ?

— Ну, такъ слушай, я объясню тебѣ все. Богъ создалъ насъ, кукушекъ, такъ, что каждое яйцо мы можемъ снести только разъ въ теченіе цѣлыхъ восьми дней. Этимъ-то мы и отличаемся отъ всѣхъ другихъ птицъ. При этомъ мы страшно прожорливы и, чтобы быть сытыми,

должны летать цѣлые дни съ мѣста на мѣсто и отыскивать себѣ кормъ. Пока бы я снесла другое яйцо, первое уже испортилось бы и остыло бы, и я бы не могла высидѣть изъ него птенца. Вотъ почему мы и принуждены подкидывать наши яйца въ теплыя гнѣзда другихъ птицъ.

— И это правда, что ты сказала? спросила дочь.

— Ну, конечно, отвѣтила мать,—ты можешь это впослѣдствіи провѣрить сама!

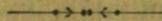
— Значить, мы не виноваты ни въ чемъ?

— Нѣтъ, совѣсть у насъ чиста! А что касается пользы, приносимой нами людямъ, то ни одна другая птица не можетъ сравниться съ нами: мы пожираемъ такихъ вредныхъ гусеницъ, какихъ не ѣстъ ни одна птица. Мы такъ прожорливы, что каждая изъ насъ истребляетъ ихъ по нѣскольку сотенъ въ день.

Ночь уже надвигалась. Обѣ птицы долгое время сидѣли, прислонясь другъ къ другу, и продолжали свою бесѣду.

Потомъ онѣ закрыли глаза и заснули. И имъ снились родина, лѣса и поля, рѣки и озера и широкое раздолье сѣверной природы, гдѣ можно было летать цѣлыя версты взадъ и впередъ и радостно кричать «ку-ку!»

Съ датскаго, по К. Эвальду.



ГОЛОВОЛОМКИ.

Задуманное слово состоитъ изъ четырнадцати буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14 и означаетъ названіе русскаго южнаго города.

Буквы 1. 7. 11. 3. 13. 3 — означаютъ названіе хищнаго животнаго, 8. 9. 10. 9. 11. 10. 7 — металл, 13. 7. 2. 11. 3. 12. 3 — закуску, 12. 7. 10. 7. 13. 3. 1. 7. 13. 7. 2. 14 — названія двухъ хищныхъ птицъ, 12. 2. 7. 6. 14 — толстокожее животное, 13. 7. 10. 7. 4. 3. 7. 8. 9. 1. 14 — названія двухъ домашнихъ животныхъ, 8. 7. 1. 6. 5. 13. 14 — молодой хвойный лѣсокъ, 4. 9. 10. 11. 3 — дерево, 4. 9. 8. 6. 3 — приятное время, 13. 7. 10. 7. 11. 13. 3 — мѣсто для поклажи, 11. 3. 10. 3. 11. 3. 6. 14 — музыкальный инструментъ, 1. 7. 12. 13. 3 — то, что даютъ неугомоннымъ дѣтямъ, 1. 9. 10. 6. 3 — горное животное, 4. 7. 2. 7. 8. 7. 13. 14 — то, что есть у человѣка за ухомъ, 13. 10. 3. 13. 7. 4. 5. 13. 14 — названіе танца.

Какія это слова и названіе какого города задумано?

Названія какихъ птицъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ?

1) Мы видѣли, какъ на лугу сидѣли дѣти.

2) Примѣчай, какой дорогой мы идемъ, чтобы не заблудиться.

3) Всѣ заинтересовались рассказомъ солдата.

4) Всегда слѣди за собою: не пей, не говори лишняго, не кури — царемъ будь надъ собою!

5) Добрый порывъ въ толпѣ тухъ съ каждой минутой, и нужно было его подбодрять.

6) Въ манерахъ у дикарей много выразительности; въ рѣчи жъ они далеко отстали отъ европейцевъ.

7) Вотъ вамъ кухонные предметы; не забудьте: терка, шумовка, ложка и два ножа.

8) Не сердись, вѣдь это только шутка!

Слогъ первый — сынъ моего отца, но мнѣ не братъ, а два вторые — нѣсколько лѣтъ; все вмѣстѣ — то, что созрѣваетъ лѣтомъ и что подаютъ на десертъ.

Даны шесть словъ, означающія:

1) Молочный продуктъ.

2) Высокую постройку.

3) То, безъ чего трудно научиться читать и писать.

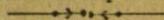
4) Надоѣдливое насѣкомое.

5) Складочное мѣсто.

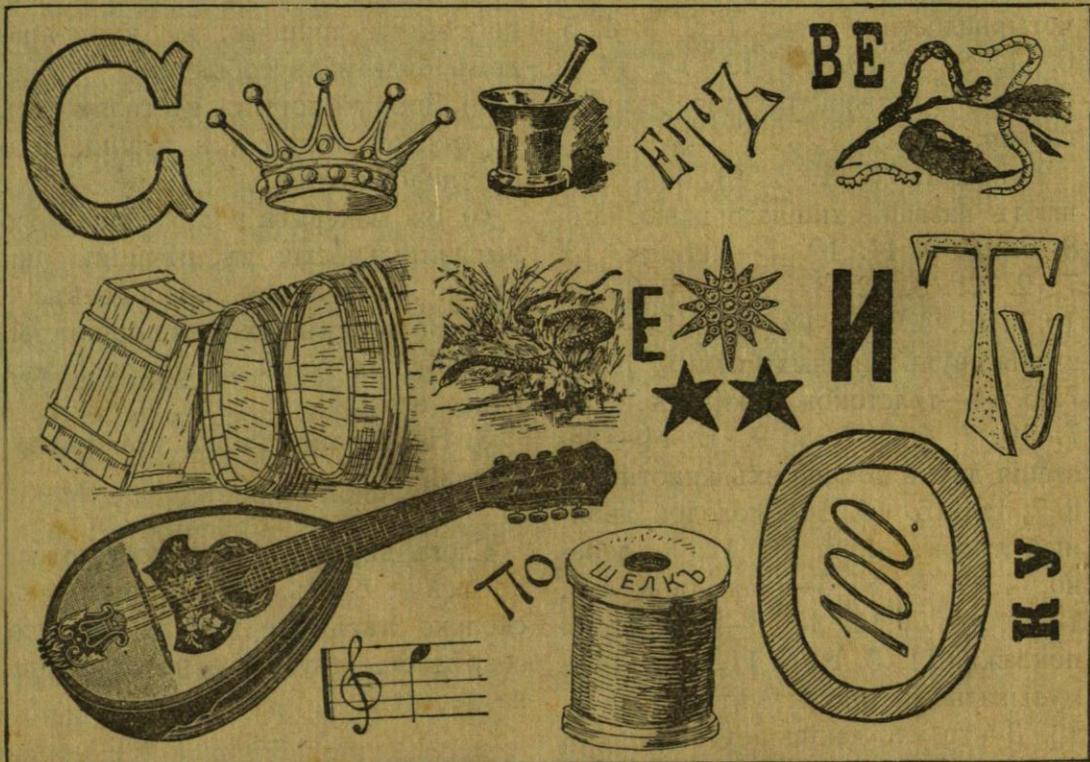
6) Первую книжку школьника.

Первая буква перваго слова, вторая — втораго, третья — третьяго и т. д. всего, слѣдовательно, шесть буквъ должны составить собою названіе русскаго города на большой рѣкѣ.

Какія это слова и какой это городъ?



Ребусъ № 11.



(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ и головоломки, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 9, помѣщенныхъ въ № 9 «Золотого Дѣтства».

Головоломки. I. Человѣкъ топчется ногами по землѣ, стираетъ съ мыломъ бѣлье, а на голову надѣваетъ шляпу. *II.* Пастухъ, ворота, просо, халатъ, верста, хуторъ, страхъ, трусь, перо, стулъ—Тула и Серпуховъ. *III.* Не даромъ говорится, что дѣло

мастера боится. *IV.* Въ овсѣ колокола ликогда не звонятъ. *V.* За дверью *VI.* Вино и градъ (виноградъ).

Ребусъ № 9. У+ре+ч+ушки+набе+ре+гуси+дѣ+лира+б+очи+е=У рѣчушки на берегу сидѣли рабочіе.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Подписчиковъ, подписавшихся по разсрочкѣ, Редакція очень проситъ поспѣшить досылкой остальныхъ денегъ, чтобы не было перерыва въ высылкѣ имъ журнала послѣ 1-го Мая.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.

Петроградская Сунодальная Типографія.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходитъ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается вѣдшимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаніемъ. Давая подписчикамъ въ 1916—1917 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакція задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развитіе въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ „Золотомъ Дѣтствѣ“ найдутъ повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи, изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

— Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно выбранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (раскрашенныя въ четыре краски).

ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

1) **КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ:**

(куклы, занавѣсъ, декорации, дѣйствующія лица и пьеса).

Большое приложеніе, исполненное въ краскахъ, которое доставитъ дѣтямъ и ихъ гостямъ приятное развлеченіе на многіе мѣсяцы.

2) Книга съ иллюстраціями:

„СО ДНА ПРОПАСТИ“.

* Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ. *

Головоломки и ребусы, помещаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности «Золотое Дѣтство» является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ учебныя библіотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 5 р. 80 к., на полгода 2 р. 90 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

5 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.